

Александр Калинин-Русаков

Другие люди

Александр Калинин – Русаков
Другие люди. Сборник рассказов

«Автор»

2016

Калинин – Русаков А. Н.

Другие люди. Сборник рассказов / А. Н. Калинин – Русаков —
«Автор», 2016

Одним окружающий мир представляется сложным и не вполне понятным, другим, напротив - простым и доступным. Только как бы ни было, в центре всего - человек. Не каждому дано дотянуться до звезды, а до того, кто рядом - проще простого. Протяни руку и попытайся его понять. И не только в книге, но и в жизни.

© Калинин – Русаков А. Н., 2016

© Автор, 2016

Александр Калинин – Русаков

Другие люди. Сборник рассказов

ДРУГИЕ ЛЮДИ

Замок на воротах гаража клацнул тяжёлой челюстью. Федот подёргал его для верности и не спеша направился по сельской улице в сторону магазина. Имелось у него там одно небольшое, но весьма обидное дело.

Вышло всё из-за Гватемалы этой. И откуда она только им на язык попала? Только рассказали они с Андрюхой по этому поводу серьёзнейшим образом. Тот уверял, что Гватемала – страна в Африке, где народ проживает чёрненький, африканцы вроде как называются. Федота аж закусил. Он ведь как раз на прошлой неделе про то передачу по радио слушал. Там как раз наоборот говорили. Никакая это не страна. Это горы так называются. А самая высокая у них едва не десять километров в высоту. «Неверность» называется. Кто на гору ту пойдёт, не вернется. Оттого, наверное, и название такое. В общем, раззадорились оба так, что в желании познать истину поспорили на бутылку портвейна.

Вечером пришёл Федот домой и, не принимаясь за хозяйство, устроил своим школьникам экзамен. Катюха принесла книжку, Серёжка карту. Терпеливо выслушал он всю эту географию и понял – проиграл. Горы эти, туды их в водоворот, Гималаи называются, а Гватемала – страна, ни дать ни взять, да и не в Африке вовсе, а в Америке. К тому же народ там проживает не чёрненький, а совершенно обычный – индейцы, про которых в детских книжках пишут. Ошибочка, одним словом, получилась.

Досадно, конечно, но деваться некуда. «Придётся, видимо, покупать бутылку», – с некоторым огорчением подумал Федот. Ему ничуть не было жаль денег, сам факт проигрыша огорчал его гораздо больше. «От этого Андрюхи одни неприятности, – подумал он в который раз. – Ещё последнюю историю с самогонкой не все позабыли».

Задумали тогда мужики отметить старый Новый год, а чтобы всё по серьёзному, начали готовиться заранее. На «казёнку» тратиться по деревенским меркам дело неразумное, так что скинулись на сахар и дрожжи. Всё дешевле. Андрюха вызвался выгнать самогон и, как обещал, принёс к нужному дню десяток бутылок первача, настоящего на клюкве.

Так что в пятницу, тринадцатого января, встретили мужики праздник, которого даже и в календаре нет. Однако повода для радости от этого меньше не стало. Попрасновали, заодно меж собой отношения кой-какие выяснили. Без злобного мордобоя, легонько так, до первой крови. После разошлись по домам с миром.

Только через пару дней по деревне распространился слухок, будто накануне у Кузьминичны из бани кто-то спёр ведёрный бидон самогонки. Пустую посудину, говорят, вернули, за калитку той же ночью поставили. А следов – ни единого.

Кто так изловчился? Вся деревня в догадках запуталась.

В общем, получила Кузьминична науку, а мужики вопрос: чью самогонку они в тот вечер пили? Все, конечно, поняли: Андрюхина это работа. Прижали его после выходных. Твоя, мол, самодеятельность в бане у Кузьминичны? А ему хоть бы что, только смеётся шельмец. Пусть, говорит, бабуся к участковому сходит да заявление о пропаже напишет. Может, поменьше самогонкой торговать станет. Все знали: водился за Кузьминичной грешок, чего таить. А Першин, участковый, хоть и серьёзный, но и сам другой раз не прочь за дармовщинку бабкиной

самогонкой на кедровых орешках разговеться. Большой мастерицей по этой части слыла старушка на всю округу. Тайну, говорят, имела ещё от своей прабабки. Так что, какие там заявления.

Федот, как и все, смолчал тогда, только противно ему было от этого. Будто наступил во что-то неприличное. Оно, конечно, рассказать бы всё старухе, а как? Сам пил, да и остальные тоже. Некрасивая, одним словом, получилась история, хотя самогонка была отменная, с лёгким выдохом.

В магазине неспешно толкался народ. Федот погладил нагрудный карман с заначкой, посчитал мелочь. Получалось неплохо. Осмотрелся.

В белом кокошнике, перебирая бантиком накрашенных губ, за прилавком привычно сновала Люська. В карамельном воздухе бойко из одного угла в другой летали свежие деревенские новости. А чего без новостей в магазине делать? Оно ведь как: только появляется у баб какая-нибудь новость, у них тут же начинает зудеть и, что характерно, всегда в одном и том же месте. Попробуй их после этого дома удержать. Им теперь безразлично зачем, но срочно в магазин требуется бежать. Дело известное.

Федот хмыкнул, пристроился в конце очереди. Он ещё издали положил прицел на бутылку портвейна.

«Для Андрюхи будет в самый раз, – подумал он. – Присмотреться – ничего бутылочка. Вон на свету янтарным переливом играет со всей загадочностью».

Впереди стояла учительница русского языка, которую прошлой осенью прислали после института. Молоденькая, интересная, вот только худая, просто светится вся насквозь, но уж больно красивая! И что главное, духи у неё какие-то особо приятные, аж в голову шибают. Культурная, одним словом. Федот, конечно, поздоровался с ней со всем уважением, но слегка посторонился. Пальтишко у учительницы больно светленькое, а он только из гаража, так что вести себя следует аккуратно.

Стоял себе Федот молчком, и стали от бездействия одолевать его размышления над простейшим житейским вопросом:

«Что же с такой вот делать, если, к примеру, на ней жениться? Её же сначала надо откармливать, чтобы тело и силу нагуляла. А то, как же она по дому и хозяйству справляться будет? Корову там подоить, поросёнка накормить или, допустим, навоз из стайки убрать. Кто по весне будет пять соток огородика около дома вскапывать, а потом засаживать картошкой, рассадой всякой, грядки делать? После поливать, окучивать. А на задах ещё большой огород под двадцать соток. Не сдюжит такая, нет...». От такой жуткой картины он даже зажмурился, а чтобы отвлечься, стал рассматривать цветастую пирамиду из консервных банок.

«Да уж... Но то, что красивая, не поспоришь. Глазищи, видал, огромные, ресницы мохнатые, будто крылья у соседского петуха. Так и хлопают. Только вот ручонки, если присмотреться, ну до чего же худенькие, костяшки все прямо на виду, жилки просвечивают сквозь кожу, будто через пергамент. Отчего же, интересно, так всё устроено? – не переставая крутилось у Федота в голове. – Как только культурная да красивая, обязательно худющая! Ноги ведь, если присмотреться, пряменькие, хорошие, но отчего же такие тонюсенькие? Стрелочки на чулочках аж дрожат от неуверенности». Федот, сочувственно вздохнув, повернулся к окну.

Учительница тем временем подошла к прилавку и, в волнении обхватив двумя руками ремешок сумочки, как-то даже выпрямилась.

– Что будете брать? – тут же расплылась в улыбке Люська.

– Тульских полкилограмма, пожалуйста.

– Как там Наташка моя, не балует? – замер на мгновение кокошник.

– Что вы, что вы, не беспокойтесь, – слегка кивая головой в такт словам, заговорила учительница. – Всё хорошо. Способная она у вас, особенно по гуманитарным предметам.

Федот видел, как бантик накрашенных губ на округлом Люськином лице растянулся в благодарной улыбке.

Люська хоть и была своя, деревенская, но бабы испытывали к ней смешанные чувства. С одной стороны, хорошо, конечно. Привезёт чего-нибудь на заказ или отложит на денёк-другой, а с другой, опять же, водку мужикам в долг отпускает.

Люська, в свою очередь, понимая противоречивость собственного положения, держалась независимо. Ей было невыгодно занимать чью-либо сторону. Это как, к примеру, в геометрии центр круга. Вставь туда циркуль остриём и сколько после им ни кружи, центр как был, так и останется на месте и ни с одной линией не пересечётся, сколько ты всевозможных кругов ни описывай. Так и магазин с Люськой. Стоит себе в центре деревни. Хотя все улицы, покружив по окрестностям, так и стараются к нему приблизиться. Центр, одно слово.

Учительница, складывая в сумку покупки, продолжала говорить уважительно и как-то уж больно красиво. Люськины свекольные щёки от этого розовели всё гуще и ровнее. А у баб вокруг уши, будто у годовалых стригунков, шевелились настороженно на каждое вылетевшее слово.

Федот тем временем продолжал свои нехитрые размышления:

«Со всех сторон твердят, как заговорённые: ”Люди промеж себя равны“. Только напрасно. Какая же мы с учительницей можем быть ровня? Она, видал, какая культурная да воспитанная, а мне дальше области и бывать не приходилось. Хотя нет, бывал по молодости, когда на армейскую службу везли. Посмотрел тогда из вагона на пробегающие мимо города, да и попал опять в лес, в пограничники. Времена на границе были беспокойные. Всякого довелось. Порой казалось, что фильм про то посмотрел, а на самом деле и не было этого вовсе. Но медальку ”За отвагу“ дали, значит, не выдумка всё».

Задумался Федот так, что позабыл про очередь. И чем дольше стоял он, тем сильнее зрела в нём горькая на себя обида. За жизнь свою бестолковую, проживёт он которую, так и не научится выглядеть культурно, вести себя красиво, обходительно с людьми разговаривать. Вон как учительница. От одних её слов Люську в краску бросило. Да и покупает учительница не портвейн, а пряники, на которые Федот внимания никогда не обращал. Они даже выглядят так, будто заплесневели давно. А она, глянь-ка, рассмотрела. Стало быть, есть в этих самых пряниках то, чего ему даже понять не под силу. Только живут эти другие люди не где-нибудь, а здесь, в деревне. Ходят по этим улицам, воздухом этим дышат. Почему же, интересно знать, другие они? Почему мир этот по-своему понимают? Отчего же всем остальным не открывается эта дверка с секретом?

Учительница дробно простучала каблучками по крашеному полу, хлопнула дверь. Из-за красных весов выглянула Люська.

– Здравствуй, Федот.

– Здравствуй, Люсенька.

– Чего тебе?

– Дай-ка мне, милая, портвешок вон тот, с семёрками. Люська, бойко покачивая округлыми формами, обтянутыми синим халатом, проворно метнулась к деревянным ящикам, ухватила цепкой рукой бутылку за узкое горлышко. Только на этом самом интересном месте внутри Федота что-то вдруг словно оборвалось. «Не так всё, неправильно делаешь, остановись...» – будто говорил ему кто-то. Всё, что произошло дальше, оказалось для него ещё большей неожиданностью, похожей на вспышку молнии среди ночи. Отчего, непонятно, только передумал вдруг Федот покупать эту самую бутылку. Передумал и всё тут. Незнакомый доселе голос внутри одобрительно проговорил: «Остановился, Федот, и правильно сделал».

А Федоту и на самом деле вдруг нестерпимо, пусть ненадолго, пусть хотя бы единственный в жизни раз, захотелось сделать так, как делают это они, другие люди. Понять ему захотелось. Почему они это делают? Зачем? Что после чувствуют?

Он виновато улыбнулся.

– Ты, Люся, извини меня, только поставь, пожалуйста, бутылочку на место, а дай-ка мне лучше тех пряников.

– Это каких?

– Да тех, что учительница покупала.

Люськины глазки, будто от испуга, миг сделались похожими на две бирюзовые бусинки.

– Сколько?

– Давай килограмм.

В магазине стало тихо. Бабы прекратили разговаривать и начали непонимающе переглядываться. Федот не торопясь рассчитался, прижал к груди здоровенный кулёк, сказал «До свидания, уважаемые бабоньки!», приподнял козырёк промасленной кепчонки и уверенной походкой прошагал к двери.

Тишина стояла такая, что было слышно, как поскрипывают половицы под кирзовыми сапогами Федота. Следом за ним нервно хлопнула дверь с пружиной. На какое-то время бабы в оцепенении замерли, но после, спохватившись, застрекотали. Словно из многозарядных карабинов хлестало со всех сторон.

– Вы только посмотрите, что делается! От бутылки отказался. Чего бы это?

– Не лезет уж, видно.

– Понятно, сколько можно.

– Да нет, Федот вроде особо этим не отличается.

– Много ты знаешь? Это он только на людях, а так мимо рта не пронесёт, не беспокойся.

– А я и не беспокоюсь. Чего он, моё пьёт?

– Нет, дело, я думаю, в другом. Захворал, наверное, видишь, какой-то задумчивый больно.

– Ой, всё вы, бабоньки, не то говорите. Я точно знаю, заговорили его. Сама видела, как к ним домой бабка Лукерья заходила. Она ведь какие наговоры и травы знает. Наверняка, заговорила. А вы говорите, заболел.

– И как он теперь, бедолага, без выпивки жить будет? Вот вы себе такую жизнь можете представить?

– А что? Запросто! Вон дед Осип не пьёт, и ничего. Зато, какой внимательный, рассудительный, и дом у него одно загляденье.

– Так он же старовер.

– Ой, бабы, не знаю. Я лично своего обалдую как угодно готова окрестить, лишь бы пить перестал.

– Вот-вот. Мой только из-за угла вывернёт, а я уже по походке вижу: пил ведь, зараза.

– Ох, удивила. Я, например, ещё с той стороны улицы вижу, чего мой благоверный пил сегодня, красненькую или беленькую. Практика, скажу я вам. Скоро уж двадцать годков как практикуюсь.

Завершающую точку с видом народного заседателя в суде поставила Захариха:

– Три дня, – заявила она.

– Чего три дня? – напряглись все.

– Три дня, говорю, не пройдёт, как прибежит за бутылкой.

– Три дня – ты больно много дала, – язвительно не согласилась с ней почтальонка Райка. Через день тут будет, вот на этом самом месте, – процедила она и многозначительно поджала нижнюю губу.

Вопрос без ответа закорючкой повис где-то под обшивкой фанерного потолка небесного цвета. Всем было интересно знать, надолго ли хватит Федота в его трезвой жизни. «Поглядим, – заключила под конец Райка и многозначительно подняла указательный палец к лазоревому потолку. – Три дня, говорю, и точка».

Федот тем временем спустился с крыльца, достал из кулька пряник, осмотрел его со всех сторон, понюхал. Пахнет вкусно, вроде как ваниль с душистой приправой. Осторожно откусив с краю, он не спеша поднял глаза к весеннему небу и начал задумчиво жевать. Сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее. Наконец смахнул с подбородка крошки, довольный, покачал головой, откусил ещё и задумался:

«Нет, ты посмотри. Вот тебе и учительница. Ведь откуда только знает про эти пряники? Смотреть не на что. Неприглядные какие-то, вроде как, несвежие даже, но до чего вкусные да мягкие».

– Определённо хороши, – заключил он и продолжил рассуждения:

«Купил бы портвейн, ну, выпили с Андрюхой, и что? Всё как обычно. Только оно, видал, как бывает, р-раз – и повернуло тебя в другую сторону. А всё это оттого, что учительница – человек культурный и образованный. Катьке, как окончит школу, надо обязательно поступать на учительницу. Вырастет такая же умная и красивая, а мы с матерью гордиться будем».

Ничего особенного вроде бы не произошло, только, странное дело, настроение у Федота сделалось такое, будто он мотоцикл в лотерею выиграл. Непонятно отчего, но поселилась в груди у него какая-то гордая уверенность. Воробьи, похоже, и те стали чирикать веселее, а вечернее солнышко, будто в награду, взяло да и пригрело ему затылок поздним теплом.

Неожиданно из переулка так, будто поджидал его за углом целый день, вывернул Андрюха. Карман штанов у него подозрительно оттопыривался.

«Сейчас начнёт канючить», – мелькнуло у Федота в голове.

– Скажу, что в другой раз куплю, не забыл. Гватемала, туды её в подворотню, – вздохнул он.

– Здорово, Федот.

– Здорово, коль не шутишь. Ты, Андрюха, чего? Соскучиться успел или как?

– Я к тебе, Федот, по важному делу.

– Не переживай, куплю я тебе бутылку, коль проиграл, – постарался упредить события Федот.

– Да я не про то, – почесал затылок Андрюха. – Тут у меня дело серьёзное, обмозговать надо.

– Пошли ко мне, – кивнул Федот. – Только я пить не буду.

– Чего это вдруг?

– Настроения нет к этому делу.

Скрипнула калитка. Сонный Жулик встретил их, помахивая хвостом. Дождавшись, когда его потреплют за уши, он вышел за калитку, обляял пустую улицу и успокоился. Катька с Серёжкой быстренько прибрали кулёк с пряниками и затихли в дальней комнате.

Сели на кухне. Андрюха, опасливо придерживая карман, долго пытался начать говорить, но никак не мог сосредоточиться. Наконец Федот не выдержал и поставил перед ним стакан.

– Пей, а то не разродишься.

Андрюха большими глотками торопливо выпил, вытер тыльной стороной ладони губы, с шумом выдохнул.

– Закусывай, – проговорил со вздохом Федот и повернулся к окну. – Если так дело пойдёт, надо будет скоро огород копать, – думал он, рассматривая проталины.

– Федот, а ты по какой причине отказываешься от выпивки? – похрустев солёным огурцом, осмелел Андрюха. – Заболел или Клавдия того, притесняет?

– Не хочу и всё тут. Отстань. Говори, чего надо?

– Тут дело такое, – начал робко Андрюха, – свояк зовёт к себе в рыболовецкую артель. Только у них правило. Всякий, кто приходит, должен иметь рыболовное имущество. Лодку, к

примеру, или снасть деловую. Я бы со всей радостью, да нет у меня ничего. Мотор, который мне от тестя достался, утопил я в прошлом году.

– Я в курсе. Достать не пробовал? – не отрывая взгляда от огорода, буркнул Федот.

– Всё дно «кошками» исскребли. Бесплезно! Будто чёрт его сташил.

– Сам ты чёрт! Тросиком чего же мотор не зацепил?

– Да я думал, там делов на пятнадцать минут. До Морозовки к Шестакову через сор перемахнуть. А тут топляк этот, чтоб его. Да и туман уже пошёл.

– Вот-вот... Туман ему пошёл. Знаю я, какой туман на вас нашёл. Ты давай, Андрюша, макаронные изделия по ушам мне не развешивай. Знаю я, что не к Шестаковым ты тогда моторку гонял в Морозовку, а ездили вы на пару с Борей Козыревым за самогонкой к Макарихе. Налакались после так, что берегов не видели. Как ещё не потонули оба. Робинзоны, мать вашу за ногу. Быванье будет – зайди в церковь, свечку Николе-угоднику поставь. Это он вас тогда, оболтусов, пожалел.

– Ну вот, опять ты, Федот, за старое. Я ж того, повинился уже и готов встать на путь исправления, – сник Андрюха.

– Знаю я, чего тебя исправит, только промолчу. А вот хороший батог не помешает, это точно. Ладно, говори, чего там у тебя.

– Не знаю даже, как просить, Федот, может, на колени перед тобой стать?

– Не гожусь я для этого, не святой, да и статью не вышел, – не глядя, ответил Федот. – Давай по делу.

Андрюха долго мялся, несколько раз пытался налить вина, но так и не решился. Наконец, облизывая пересохшие губы, набрался смелости и выпалил разом.

– Сделай мне, Федотушка, кедровку под рыбу, да побольше. Насчёт досок я уже на пилораме договорился. Помогите, век помнить буду. Больно уж они там хорошие деньги зашибают в путину. Заело это безденежье. Всё надо и надо. А зарплата у меня, сам знаешь. Надюха уже со свету сжила. К тому же семья, похоже, скоро увеличится.

Федот угрожающе кашлянул в кулак...

– А ты поменьше заливай, тогда и хватать будет.

– Ну вот, опять ты за своё. Да не к кому мне больше обратиться, пойми ты.

– Андрюха, ты помолчать маленько можешь? – гаркнул наконец Федот.

– Всё, молчу, ни звука, – проговорил Андрюха и, прикрыв рот, начал коситься на бутылку.

Федот задумался. Лодка – дело понятное. Надо, видно, помочь парню, может, и правда выровняется да на ноги встанет. Сколько нищенствовать можно. Мужик должен деньги зарабатывать. Без этого он со временем окончательно измельчает, уважение к себе потеряет, а после этого он уже и не мужик, а так.

Федот долго тёр висок, рассматривая потёртые завитушки на старой клеёнке, будто там можно было узнать, из чего Андрюхе справить лодку? На пилораме доска сырая, не годится. Придётся, по-видимому, отдать свою.

– Ты вот что, Андрюха. Пиломатериал, что договорился, заведи. Сгодится куда-нибудь, а лодку строить будем из моей доски. Она у меня отборная, сухая. Для себя готовил, да, видно, в другой раз. На следующей неделе и начнём.

– А если завтра? – облизнул пересохшие губы Андрюха.

– Завтра? Завтра не могу, в район еду, телевизор покупать.

– Телевизор? Какой такой телевизор?

– Обыкновенный, Андрюха, телевизор. Вот как радиоприёмник, только спереди экран.

– Как в клубе? – вытянул шею Андрюха.

– Андрюха! В клубе – кино. А ты чего же, телевизора никогда не видал?

– Нет, а где я его увижу? Только знающие люди говорят, что у нас всё равно брать не будет.

– Больно много твои люди знают. Будет брать, надо только сделать правильную антенну и мачту хорошую поставить, – уверенно возразил Федот. – Серёжка вон из школы журнал принёс, «Юный техник» называется. Журнальчик детский, вроде бы пустяшный, да только с первого взгляду. В нём, представляешь, про телевизоры и антенну эту все написано и нарисовано, как и из чего делать. Трубка нужна алюминиевая или медная, но это вопрос решаемый. А теперь я ещё вот над чем думаю. Ведь если в детском что ни на есть журнале такие серьёзные дела печатают, получается, для детей, что ж будет с той детворой, когда она вырастет? Представляешь? Не то, что мы с тобой, грамотеи. Лодку построить, Андрюха, дело пустяшное. А тут антенна, телевизор... Наука, видал, лицом к простому человеку поворачивается. Я в области был, так представляешь, три часа проторчал в магазине, где телевизорами торгуют. Смотрю: «Новости» идут. Послушал всё обстоятельно. Вошёл, как бы это сказать, в курс дел по всей стране. Только они закончились, безо всякого перерыва – концерт. На скрипках играют, приятно так. Каждую скрипочку видно и этого, который похож на пингвина, что палочкой машет, тоже. Забыл, как же он называется.

– Дирижёр, – вовремя вставил Андрюха.

– Вот-вот, правильно говоришь. Соображаешь, стало быть, когда не сильно пьяный. Ты бы, Андрюха, с выпивкой упорядочил это дело. В артели такого безобразия терпеть не будут, мигом выставят. Бросай, а если не можешь, сходи к бабе Лукерье, она заговор знает.

Андрюха замолчал, потом уверенно отодвинул от себя бутылку, негромко сказал «Всё!» и отвернулся к стене. Федот тем временем, будто не заметил ничего, продолжал:

– Так вот, значит, закончился концерт, а потом Райкин начал выступать. Юморно... Жалко, они магазин закрыли. И вот такое, представляешь, может быть в доме у каждого обыкновенного человека хоть каждый день. Захотел – нажал кнопку и смотри себе, любуйся на здоровье.

Скрипнула калитка, радостно заскулил под окном Жулик. Пришла Клавдия. Она не очень удивилась гостю, но на пороге слегка задержалась.

– По какому поводу, если не секрет?

– Вот, Клавдия, пришёл обмыть ваш телевизор. Порадоваться, так сказать, улучшению благосостояния граждан, – торжественно объявил вдруг Андрюха.

– Какой телевизор? Нет у нас никакого телевизора.

Ты, Андрюша, чего-то попутал, объясни понятнее.

– Я имел в виду тот телевизор, который вы завтра покупаете.

Тут Федот не выдержал.

– Ты, Андрюха, давай по холодку, пока не намело, двигай. На той неделе, как я сказал, начнём заниматься твоей лодкой.

Родственник не сопротивлялся и вскоре проворно удалился. Недопитая бутылка так и осталась стоять посреди стола. Чего, чего, но на Андрюху это было совсем не похоже.

Клавдия поставила на лавку сумку и села рядом. Опытным взглядом она сразу определила: Федот не выпивал. Это обстоятельство несколько встревожило её.

– Ты объясни, Федот. Какой такой телевизор? Во всей деревне ни у кого и в помине нет. Ты же хотел новый мотоцикл покупать.

– Старый ещё не один год прослужит. Подремонтирую, как потеплеет. Сейчас не это важно. Главное вот что: задумался я сегодня, Клавдия, над очень серьёзным вопросом и пришёл к выводу, что живём мы неправильно, некультурно как-то.

– Как же, Федотушка. Когда желаем, в кино ходим, на концерты в клуб. Какой уж такой культурной жизни ты захотел, не понимаю я.

– Да наша жизнь, она как раз понятная, – задумчиво проговорил Федот. – Большинство так живёт. Только ведь хочется такого, чтобы было, как в кино или книжках. Ты же книжки сама любишь читать ещё смолоду, я всё помню.

– Люблю, только всё некогда, – вздохнула Клавдия.

– Некогда – это отговорка. Интересно тебе, должно быть, не только то, что в деревне нашей происходит, – не отступался Федот. – Культурного человека должно интересовать всё, что происходит в целом громадном мире. Для того и нужен телевизор. Любопытно ведь знать, как там у них всё случается, какие они, эти другие люди?

– Любопытно-то оно понятно, только дорого, небось, – поморщилась Клавдия.

– Не дороже денег. Не бедные, вдвоём работаем. Вот и надо купить телевизор. Земля, она представляешь какая большая. Везде люди живут, да разные все. Подумай только: сядем мы вечером, включим телевизор и будем смотреть, как там на всей Земле народ поживает, а после новостей – кино интересное, пожалуйста. Это ж какая жизнь начнётся! Да и про себя тебе тоже подумать надо. Вот ты скажи, почему до сих пор ходишь в старом пальто?

– Так новое-то не купили, – развела руками Клавдия.

– Значит, надо купить. И сапоги новые тоже.

– Ой, Федот, какой-то ты сегодня интересный. Телевизор тебе подай, пальто, сапоги. Чего-то ты больно разошёлся. Всё денег немалых стоит.

– А ты пойдешь да сними с книжки.

– С книжки жалко. Они там для дела какого-нибудь копят.

– Дела... Ты мне скажи, Клавдия, какое такое дело может быть важнее самого человека? Для того все дела и делаются, чтобы жизнь твоя, моя, детей наших красивой была. Дети у нас одеты, обуты, учатся хорошо, книжки умные читают. А мы с тобой уже приготовились превратиться в старые пеньки, сесть на завалинку и смерти потихоньку дожидаться. Не охота, знаешь ли...

– Ой, Федотушка, чего-то я за тебя прямо в беспокойстве сегодня. Это, небось, Андрюха тебе что-нибудь наплёл. Ты только скажи. Я родственничку дорожку-то мигом пятки вперёд налажу. Ишь, расходился.

– Успокойся, Клавдия, Андрей тут ни при чём. Он лодку просил сладить, чтобы в артель податься, рыбачить. За голову, похоже, решил взяться, бутылку вон, и ту не допил. Надо парню помочь, думаю. Зато я, Клава, на жизнь нашу сегодня будто со стороны посмотрел да и призадумался. Не так мы живём. Убого как-то, скучно. Менять надо всё. С чего начать, пока не знаю. Только еду я завтра в район покупать телевизор, а ты чтобы сходила к Люське и заказала себе новое пальто и сапоги, да помоднее! И вот что. Скажи ей, пусть духи тебе привезёт самые лучшие и дорогие, но непременно тонкого заграничного аромата.

Клавдия тихо вздохнула. Она хорошо знала этот упёртый характер.

Федот решил сделать то, чего не делал уже много лет, – взять отпуск. Директор совхоза долго разглядывал тетрадный листок с заявлением. Потом ему неожиданно позвонили из района, после чего он долго и очень громко доказывал кому-то неправильное виденье районными властями распределение пахотных земель. Иногда резко, будто пружина, вставал, сотрясая воздух сжатым кулаком. Однако со временем телефонный разговор пошёл на спад. На том конце провода, похоже, начали сдаваться. Закончилось всё на совершенно спокойной ноте, с пожеланиями здоровья. Зато, как он районного пришел! Не ты мне, говорит, партбилет этот выдавал, чтобы я его перед тобой на стол положил. Мне его командир батальона на передовой вручил. Вот если бы он сейчас приказал выложить – выложил бы. Только погиб мой командир. А ты мне не указ! Во как.

Сергей Викулович раскраснелся, продолжая часто дышать, ходил по кабинету.

– Так вот, Федот, и воюю. Прислали этого заведомом в райком с Украины. И вот он мне всё «у нас на Украине, у нас на Украине...» Знаю я, что такое Украина. От края до края на тридцатьчетвёрке пропахал, а уж сколько земли той перелопатил, не счесть. Ну да ладно, это дело прошлое. Ты-то, Федот, какое такое сочинение принёс мне насчёт отпуска? Это надо обдумать. Дороги вскоре станут, надо брус возить из Носки, Екимовки, цемент из района, кирпич. Техника должна быть в полном порядке. Контору новую строить будем и АТС.

– Это чего такое – АТС? – подался вперёд всем телом Федот.

– Это, Федот, ни много ни мало автоматическая телефонная станция на сто номеров. Вот захотел ты, к примеру, со мной поговорить или спросить чего-нибудь. По делу, а может и так просто, насчёт рыбалки, например. Идти тебе никуда не надо, снял трубочку, покрутил диск, а я тебе «Здравствуй, Федот». Так-то вот... Ну, ладно, рассказывай, в какой такой отпуск собрался?

– Да пустяк тут. Андрей по-свойски просит лодку ему сделать. Думаю на неводник замахнуться. Нас двое, да ещё охотников помочь, думаю, найдётся. Всё равно время сейчас бестолковое.

– Сколько тебе понадобится на это?

– Недели две. Только пришла мне тут одна мысль, – уже поднимаясь, проговорил Федот.

– Какая же? – Сергей Викулович, полагая, что разговор окончен, подошёл к окну и стал рассматривать небо.

– Хочу соорудить хорошую мачту, антенну, и попробовать поймать телевидение, – взволнованно проговорил Федот.

– Телевидение говоришь? Да ты что? Серьёзно? – Директор изменился лицом, поставил стул напротив Федота и со словами «рассказывай подробно» сел.

– Уже решил, – начал взволнованно Федот. – Завтра с Колей Балуховым за запчастями в «Сельхозтехнику» едем. После, как всё получим, заедем в «Культтовары». Хочу купить телевизор и кабеля метров двадцать пять – тридцать.

– Послушай, Федот, а ты в этом деле хоть немного чего-то понимаешь?

– Серёжка принёс «Юный техник» из школы. Там всё подробно описано и про антенны, и про каналы. Волнуюсь, конечно, но сильно уж хочется попробовать. А вдруг возьмёт, да получится!

Мальцев заметно разволновался. Он несколько раз вставал, обходил вокруг стула, садился, снова вставал. Было видно, не ожидал.

– Да ты понимаешь, Федот, на что ты замахнулся? – начал он. – Это же всё равно что, к примеру, какое-нибудь открытие важное сделать. Вот если получится! Ты только подумай, как жизнь всей деревни изменится? Вечером придут люди с работы, с хозяйством управятся, покушают и телевизор сядут смотреть. Глядишь, и пить поменьше станут. Сколько, ты говоришь, тебе отпуск надо?

– Две недели.

– Бери все двадцать четыре дня. Для такого дела не жалко. Да, вот что. Когда поедешь в район, обязательно заверни в узел связи, спроси Юрия Викторовича. Толковый мужик, обязательно дельное подскажет. Я ему вечером домой позвоню. Где твоё заявление? Сейчас подпишу. Пойдёшь в бухгалтерию, пусть сразу начислят и выдадут отпускные.

Потом, немного подумав, добавил:

– И премию за хорошую работу. Давай я на заявлении резолюцию сразу наложу.

Федот вышел в коридор, а из-за двери ещё долго доносилось:

– Вот дела творятся, вот они на тебе народные умельцы! Кулибины, ядрёна корень, они же здесь, свои, среди народа! Им только волю дай, остальное они сами сделают и добудут!

Пятьдесят первый «Газон», тревожно завывая, крушил смёрзшуюся грязь. Проваливаясь то и дело в колею, он толкал перед собой зубастыми колёсами мутную жижу, перемешанную со льдом. Федот пытался задремать – не получалось. В сумасшедшей болтанке не было даже мгновения, чтобы кабину не сотрясало или не бросало из стороны в сторону. Через завывание мотора было слышно, как Балувев кого-то негромко уговаривает. Может, себя, может, мотор, может, колёса, а может, и водительского бога, чтобы тот послал им удачу и помог не завязнуть посреди сибирского тракта, окружённого стенами леса, верхушки которого теряются в не растворившейся темноте утра. Николай прекрасно знал: одно неверное движение, и они надолго превратятся в неподвижный, вмерзающий в грязь объект посреди тайги.

Справа, на фоне светлеющего востока, замаячила неясными очертаниями сонная Сергеевка. Первые неясные огоньки одиноко желтели на фоне тёмных домов и подступившего леса.

В глинистой низине, недалеко от Черпиинского поворота, когда «Газон» уже почти поднялся на гору, и остервенелый вой мотора приготовился смениться тихим урчанием, задний мост начал медленно сползать в правую канаву... Балувев вовремя успел дать «заднюю», резко вывернул руль и от души поддал газу. Комья липкой глины полетели из-под задних колёс, забросав капот, стёкла, крылья. Пока дворник размазывал по стеклу грязь, Балувев, не снимая ногу с педали газа, едва успевая уворачиваться, чтобы не попасть в очередную промоину или яму, сползал в сторону ручья.

«Сядем», – подумал Федот. Однако, «Газон», громыхая бортами, с разгона проскочил низину и на последнем издыхании выполз всё же на сухой противоположный откос. Сегодня шофёрский бог явно был с ними. Хлопнула водительская дверка, уверенно рыкнула коробка передач, начался новый разгон.

– Возьмём левой, там без уклона, пожалуй, проскочим, – стиснув зубы, проговорил Балувев.

В конце подъёма пошла подсохшая колея, мотор заворчал ровно, без надрыва.

– Конечно, проскочим, Коля, куда ж мы денемся. Нам застревать никак нельзя. По важному делу едем, – проговорил Федот и значимо замолчал.

– Понятно, запчасти – дело серьёзное. Скоро пахота, потом посевная. Без запчастей пропадёшь, – согласился, отдышавшись, Балувев.

– Запчасти – это само собой, но есть у нас ещё одно серьёзное дело.

– Это какое?

– Телевизор надо купить.

– Телевизор? Зачем? Он у нас всё равно не будет показывать, – уверенно заявил Николай.

– Это почему же?

– Телевизоры, они только в городах показывают.

– А в деревнях, значит, нет?

– Нет, – отрицательно мотнул головой Николай.

– А почему нет? Может потому, что запаха навоза боятся или телевизионный сигнал в тайге заблудиться может?

– Ну, вряд ли поэтому. Только всё равно показывать не будет.

– Показывать, Коля, будет везде, где есть телевизионные волны, – настойчиво продолжал Федот. – Их не видно, но они у нас должны быть, поскольку в Горнослинкино уже поставили телевышку. Так что мы с тобой сначала запчасти получим, потом заедем в узел связи. Есть там один человек, Юрий Викторович зовут. Очень уж надо мне с ним поговорить.

Юрий Викторович оказался худеньким мужичком с зачёсанными назад седыми волосами и прокуренными передними зубами. Он наморщил нос, пристально рассматривая Федота через толстенные линзы круглых очков, потом приветливо пожал руку, сказал «звонили», и они пошли через огромный аппаратный зал, заполненный серыми железными шкафами с таин-

ственными рядами разноцветных лампочек, светящихся шкал, рядов электронных цифр. Всё вокруг гудело и было пронизано стрёкотом железных устройств, жужжанием, попискиванием, хриплыми переговорами в динамиках. Пройдя аппаратную, они свернули в коридор и вскоре оказались в небольшой комнате с придвинутым к окну столом и парой потрёпанных стульев.

– Садись, рассказывай, – сказал Юрий Викторович и пододвинул стул.

Он постоянно шурился, поправлял толстые окуляры очков, как будто настраивал резкость. Когда Федот закончил рассказ, Юрий Викторович некоторое время сидел молча, поглаживая большим пальцем седую щетину на подбородке, потом заключил:

– Теоретически можно, если сделать так. – Он достал лист бумаги и обыденно спросил Федота:

– Схемы читаешь?

– Нет, – виновато, словно плохой школьник, ответил Федот и почувствовал, как по спине покатилась капелька пота.

– Тогда я тебе картинки рисовать буду. Пойдёт?

– Пойдёт.

Прощаясь, он долго тряс худую руку Юрия Викторовича и первый в жизни раз пожалел, что не умеет красиво говорить. Вот как учительница, к примеру. В кабине «Газона», обессиленный, он откинулся на дерматиновую спинку сиденья и долго молчал. Потом, тяжело вздохнув, проговорил:

– Обалдуи мы с тобой, Колька.

– Это почему же?

– Ты даже себе не представляешь, где я сейчас был. Там такое! Целый зал, пожалуй, больше всего нашего клуба. Всё сплошь уставлено аппаратурой. Одних лампочек – тысячи. Всё чего-то жужжит, трещит, разговаривает, лампочки мигают. Это какую же надо иметь голову, чтобы во всём этом разобраться! Вот я и говорю, темнота мы с тобой беспросветная, Коля.

«Культтовары» были закрыты на перерыв, пришлось дожидаться. Федот отчего-то разволновался. Он часто поглядывал на часы и всё думал. Откроют, а телевизоров не будет. Мало ли чего может быть. Разобрали всё или ещё не привезли по какой-то причине. Он с волнением переступил порог магазина и сразу кинул взгляд в левую сторону, где продавались радиолы, приёмники и телевизоры. Телевизоров не было видно.

– У вас телевизоры в продаже есть? – заметно волнуясь, спросил он.

Зеленоглазая молоденькая продавщица с тонкими бровями и рыжей чёлкой, улыбнувшись, показала пальцем:

– Так вот же он, позади вас стоит. «Рекорд», диагональ пятьдесят один сантиметр, двенадцать каналов. На прошлой неделе поступил.

– Потрогать можно? Я крутить ничего не буду.

– Можно, вы же покупать собрались.

– А ты откуда знаешь?

– Так по вам сразу видно.

– Верно говоришь. Вот куплю и буду себе крутить, сколько захочу. Продавщица опять улыбнулась. Федоту очень нравилось, что она всё время улыбается. Хорошо, когда дела начинаются по-доброму, с настроением. Что-то изнутри ему подсказывало «всё получится, не переживай, Федот». С детским трепетом трогал он деревянные бока

«Рекорда», осторожно гладил стекло экрана, даже нюхал. От запаха пластмассы, лака, канифоли у Федота сладко закружилась голова, как много лет назад. Он вспомнил, как в детстве отец привёз ему из города зелёный грузовик. Не было у него тогда большей радости, чем этот зелёный грузовичок и запах его краски. Именно оттого, что был он железный, виде-

лось ему прямое сходство его зелёного друга с настоящими автомобилями, сладко пахнувшими бензином. Вечером Федотка ставил грузовичок на табурет рядом с изголовьем, а когда проснулся, первое, что он чувствовал, это был его запах. Из-за этого он и стал механиком, не помышляя ни о какой другой профессии.

– Сколько стоит «Рекорд», зеленоглазая?

– Двести пятьдесят.

– Да, недешёвая игрушка, но больно уж нравится. Давай проверять. Брать буду. Баста! – весело заключил Федот и озорно улыбнулся.

Включили. Телевизор шипел, экран светился серо-голубым матовым светом.

– Антенна ему нужна, – улыбнулась зеленоглазая.

– А у вас нет, чтобы проверить?

– Пока нет. Телевизорами только начали торговать.

– Антенну лучше всего «волновой канал», – с видом знатока заключил вдруг Федот и сам вздрогнул от сказанного. «Ещё примут не за того, спросят, мало ли. Чего это я заумничал», – подумал он.

Телевизор пеленали в коробку всем магазином. Федот рассчитался и уже приготовился подхватить коробку, однако не удержался и всё же спросил:

– Чему же ты всё улыбаешься, зеленоглазая?

– Радуюсь, что знакомого человека встретила.

– Это кого же?

– Вы же дядя Федот?

– Да, несомненно.

– Вы с моей мамой вместе в школе учились.

– Тогда как же звать тебя, красавица?

– Галя Захарова из деревни Лучкино.

Федот широко улыбнулся. Он хорошо помнил рыжую чёлку и зелёные глаза своей одноклассницы. Теперь-то он уже точно знал: всё у него получится.

Всю обратную дорогу Федот, укрывшись куском брезента, терпеливо тряся на деревянной лавке в кузове

«Газона» по соседству с ящиками и запчастями. Место в кабине на пружинном сидении занял телевизор. Федоту и в кузове было привычно. Трясёт, правда, ещё больше, да дует то с одной, то с другой стороны.

Странно, но ему это нравилось. Пусть колючий ветер так и норовил ущипнуть за щёку или ухо, но поселялось в это время в нём какое-то детское спокойствие. Даже думалось здесь как-то совсем по-другому, вольно как-то.

Луна жёлтым фонарём, мелькая меж тяжёлых облаков, скупо освещала остатки снега на полях. Рыскающий свет фар то выхватывал куски серой дороги, то упирался в кручу подъёма. Причудливые силуэты придорожных кустов и частокол тайги всё ближе подступали к дороге. Свернули на Мальцевский тракт.

Деревня спала тем безмятежным коротким сном, которым спит уставший за день от нескончаемых забот труженик. В доме Федота неярким светлячком желтела лампа. Свет выключали в двенадцать ночи. «Ждут», – улыбнулся Федот. Клавдия только всплеснула руками:

«Купил всё-таки! Вот неугомонный».

Тут ещё Коля помог, обронив невзначай:

– Дорогое удовольствие. Подвесной мотор за такие деньги купить можно. «Вихрь», это точно.

Клавдии ничего не оставалось, как вздохнуть да согласиться. Упёртый он, и ничего с этим не поделаешь.

Через несколько дней над домом Федота белой стрелой под самое небо вознеслась антенна, которая моментально сразила деревенских обитателей своей высотой, чудным сооружением из трубок на самом верху и блестящими ажурными линиями растяжек. Казалось, ещё немного, и зазевавшиеся облака начнут цепляться за этот диковинный шпиль посреди деревни. Покой покинул односельчан. На все вопросы Федот, как мог, отвечал обстоятельно и обещал показать «кино», а сам в глубине души переживал и терзался сомнениями.

Телевизор занял самое почётное место в большой комнате, на комод. Думала ли мать Клавдии, когда вязала накидку к свадебному подарку, что накроют ею телевизор, о существовании которого старушка тогда даже предполагать не могла?

О том, что сегодня к вечеру Федот собирается подключать телевизор, разумеется, знала вся деревня. После обеда пришла соседка, баба Настя. В чёрном плюшевом жакете и новом платке с цветами, который она надевала исключительно по большим праздникам. По просьбе старушки Клавдия усадила её перед телевизором. Бабуля, положив на колени морщинистые руки, терпеливо сидела перед выключенным телевизором и, не говоря ни слова, смотрела на пустой экран.

– Баба Настя, иди, попьём чайку. Подключат, видно, ещё не скоро, – звала Клавдия.

– Спасибо премного, – отвечала торжественно бабуля, – только я уж лучше подожду. Больно мне нравится чего-нибудь приятного дожидаться. А то отвернусь ненадолго, а оно возьмёт там, да и появится. Обидно будет пропустить.

Перед палисадником беспрестанно сновали мальчишки, без которых всё происходящее, похоже, не смогло бы произойти вовсе.

По пустякам стали заходить соседки: кто за «солью», кто за «пригоршней муки». Мужики, проходя мимо дома, сдержанно покашливая, здоровались с Андрюхой, который буровил отверстие под кабель в бревенчатой стене. Все с интересом задирали голову и с пониманием дела рассматривали хитроумную загогулину на самом верху мачты.

Ближе к вечеру народу в доме набилось под завязку. Федот смахнул ладонью со лба пот, подсоединил наконечник к кабелю, вставил в гнездо на телевизоре, на мгновение замер... и нажал кнопку «вкл». Экран засветился голубоватым светом, телевизор зашипел и... всё. Федот покрутил ручки – ничего не менялось.

Он в который раз достал листок, исписанный рукой Юрия Викторовича, и начал читать. А вот в чём дело! Надо же поставить восьмой канал. Он надел Клавины очки, поставил нужный канал, но ничего не изменилось. Телевизор продолжал по-прежнему лишь шипеть и светиться экраном. Желаящие увидеть рождение чуда разочарованно начали переглядываться. Недоброе предчувствие просыпалось в их беспокойных душах.

– Не будет, видимо, чуда сегодня, да и кино тоже, – вздыхали все.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Федот с Андрюхой в который раз вышли на середину дороги, долго водили пальцем вдоль горизонта, смотрели, прищурившись, на заходящее солнце, наконец, решили:

– Антенну следует повернуть немного вправо. Когда вернулись в дом, Федот сразу заметил: пора-

женческое настроение поселилось среди гостей окончательно. Кто-то молчал, кто-то, не переставая, повторял на все лады:

– Нечего было и пробовать, сразу говорили, ничего не получится. Зря только телевизор купил да деньги потратил.

Федот чувствовал, как у него начинают гореть уши. Надо ещё раз всё проверить, успокоил он себя, и в который раз взялся за спасительный листок. Неслышно шевеля губами, он медленно, не пропуская ни единой буквы, читал.

– Антенну подключить ко входу метровых волн «мв». Подключил? Конечно, подключил. Только, стоп! А чего это, интересно, я его подключил к «дмв»? Это, наверное, что-то другое. Он повернул телевизор, поправил очки и, не питая особых надежд, ткнул серенький наконецник в нужное гнездо.

В следующее мгновение Федоту показалось, будто разряд какой-то невиданной энергии пронзил его от головы до пят.

Все, кто был в комнате, вздрогнули от неожиданности, потому что в это самое мгновение в горнице появился кто-то ещё. Он не вошёл в дверь и не заглянул в окно. Он был там, в телевизоре. Это была женщина, которая стояла на сцене и пела. Позади неё баянист в косоворотке уверенно перебирал кнопочками, а ещё дальше за ними целый оркестр с огромной в рост человека балалайкой. Из телевизора лилось: «...Какая песня без баяна, какая ночь без росы...». Оцепенение крепким заморозком сковало присутствующих. После долгого молчания все начали перешёптываться. Одна баба Настя, негромко причитая, осторожно крестилась. В первый момент Федота сразила огромная балалайка. Наконец, кто-то не выдержал:

– Послушайте! Да это же Людмила Зыкина поёт!

– По голосу похоже, точно Зыкина. Только я её не видел, а ты?

– Да и я тоже. Как-то не приходилось встречаться.

А сейчас – пожалуйста. Смотри, сколь угодно.

Вдруг все, не отводя взгляда от экрана, одновременно и громко заговорили. Только Федот неожиданно почувствовал себя опустошённым, будто бочка из-под огурцов по весне. Он молча вышел на крыльцо, сел. Жулик долго смотрел на него, высунув язык, потом молча улёгся к ногам. У ворот скрипнули тормоза председательского «козлика».

С того памятного вечера, когда в доме у Федота появился телевизор, деревня будто проснулась после зимней спячки. В ней начали происходить события, разительно похожие одно на другое. Сначала возле какого-нибудь дома в небо вытягивалась игла антенны, спустя некоторое время хозяин принимался ремонтировать изгородь, калитку. Стучал по вечерам молотком, подтёсывал чего-то, прикладывал. Потом, дождавшись погожих дней, затевал покраску. Глядя на него, соседи слева и справа тоже принимались за дело. И на другом краю деревни без дела не сидели. Так и пошло всё, покатилося.

На Пасху, когда от первого тепла деревня прыснули робкой зеленью, палисадники перед домами запестрели разноцветьем, а в небо устремились иглы фантастических антенн. Деревню стало не узнать. Всё в ней осталось на прежнем месте, только ожила она, будто глаза на мир открыла. И ведь что интересно, никто этого не планировал. Не было шумных собраний с президиумом и протоколами. А оно всё вдруг возьми да и начни происходить. Само по себе. Чудно. Хотя, что тут чудного? Пасха скоро.

В ту ночь Федот проснулся от непривычного шума. Прислушался. Да это ж лёд шумит! Значит, Боровая пошла. Через день два появится чистая вода, а там, глядишь, и до половодья недалеко. Пора, видимо, неводник ставить на просмолку.

В курятнике три раза прокукарекал петух. Четыре часа, подумал Федот и, повернувшись на бок, стал слушать, как шумит лёд. «Только бы мост не снесло», – пронеслось в голове.

Потом ему приснился тот самый деревянный мост, что построили прошлым летом за дальним мысом. Тогда вся деревня долго гадала, почему здесь, поскольку с той стороны Боровой даже дороги не было. Получалось, что мост в никуда. Только понаехали вскоре дорожные строители – шумные, матерные. Сначала выпили всю водку в магазине, потом проложили по зареченскому лугу дорогу, похожую на серп. Ездить по новой дороге было не с руки, да и некуда. Какая-то она придуманная получилась, эта новая дорога, не найденная, бесполезная, одним словом. Мужики матерились. А бабы – народ на язык острый, они быстро определили

место, по которому не мешало бы махнуть дорожникам этим самым серпом, чтобы таких чудес впредь не строили.

Той беспокойной ночью приснилось Федоту, что вырвала Боровая этот самый мост легонько, будто молочный зуб у мальчика, после развернула его течением вдоль реки, да и унесла. Как будто и не было его здесь никогда. Через несколько лет всё именно так и случилось. Вещим тот сон оказался.

С раннего утра на пологом берегу, напротив старого лисятника, под закопчённой бочкой потрескивал костёр. Из Морозовки приехал Гена Самоловов, привёз барабан смолы, выгрузил и задержался. Будто намереваясь что-то сказать Федоту, он несколько раз обошёл неводник, простучал борта, заглянул под днище, отошёл к кедровнику, рассматривая издали. Наконец не выдержал:

– Не могу я просто так уехать! Хочу, чтобы след от моей руки на этой посудине непременно остался. Так что принимай в бригаду!

– Это завсегда пожалуйста, – развёл руки Федот. – Бери струг радиусный, снимай фаску с бортов. Тебя учить не надо, не хуже меня знаешь. Так что начинай, а я сейчас прожгу гнёзда под уключины, и можно начинать смолить. Вместе мы сегодня точно управимся.

Ещё один, кто вызвался помогать, был Витька по прозвищу Революция. Кто и почему дал ему такое имя, доподлинно неизвестно. Может быть оттого, что родом он был из самого что ни на есть революционного города Ленинграда, а ещё может быть оттого, что воспринимал всё в штыки. Революция, одно слово.

Витька был «туник», то есть сосланный за тунеядство. Свою жизнь в Ленинграде он вспоминал часто, показывал фотографии, похожие на открытки. Деревенский люд смотрел и не верил своим глазам. Стоит Витька возле

«Авроры», рядом с той самой пушкой, что на носу. Странная такая фотография, с намёком каким-то забавным. Всё походило на то, что «Аврора» вроде как собралась ещё разок бабахнуть, только теперь уже по нынешним вождям, что были изображены на огромных плакатах вдоль набережной. Прицел был прямо на них. Все смотрели с пониманием, многозначительно хмыкали и молча переглядывались. Витька рассказывал всё, что отец его работает в посольстве водителем.

«Как же так получается? Отец в посольстве, а Витька «туник». Может, привирает? – размышлял Федот. – Хотя нет, на прошлой неделе вызывали его на почту для переговоров с Ленинградом, оттуда же и посылку недавно прислали со всяким добром. Так что, может быть, и правда. Только чудной этот Витька, раздарил почти всю посылку, себе только синюю водлазку и оставил. Нежадный, стало быть. Вообще-то он парень неплохой, а то, что не нравится ему простым трудом заниматься, чего тут поделаешь. Не всем же в навозе ковыряться. Думать тоже кому-то надо. А Витьке только дай волю, он сколько угодно будет рассуждать о смысле жизни, дальних странах, правильном устройстве мира, советы ещё всякие необходимые давать, на гитаре песни непонятные петь про Арбат, туманные горы и какой-то там синий троллейбус. Это ладно... Он даже на иностранном языке песни поёт. А что? Федоту нравилось. Очень даже забавно. В деревне сроду никто так не пел. Сразу видно, грамотный, коль иностранные языки знает. Институт, говорят, закончил. Оно и правильно. Дурака, его чего ссылат? От него ж вреда никакого. Это с умными завсегда хлопотно. Зато мальчишки за ним теперь вереницей. На гитаре все учатся играть. Хорошо хоть завклубом его додумались поставить. Какой из него прицепщик? Он земли-то окромя той, что в горшке с фикусом, сроду не видел, а его прицепщиком, пашню пахать. Земледельца сыскали. Теперь хоть по вечерам в клубе торчит. Там ему как раз самое подходящее место и есть. Всё делом занимается, да и какую никакую копейку получает. Ему ж тоже, поди, жить на что-то надо. К тому же участковому спокойней, когда он на глазах».

Надо отметить, напрягаться Витька действительно не любил. Он даже водку пил как бы нехотя, без мужицкого азарта. Больше всего уважал он сидеть на берегу и смотреть куда-то вдаль. Говорит, что над книгой работает, думает. Обещает, когда срок закончится, непременно станет писателем или поэтом, как и друг его Ося. Тогда-то всю эту ссыльную жизнь в книге своей и опишет подробнейшим образом. Пока, говорит, сочиняет этюды какие-то. Чего это такое? Мудрёно всё это для деревенского люда. А что лодку вызвался строить, так это исключительно от желания быть причастным к какому-нибудь серьёзному делу.

Федот толкал локтём Андрюху в бок и шептал:

– Прикинь, племяш, великие дела творим, стало быть, зачтётся нам. Да ещё книжку про нас того и гляди напишут, история целая получится.

– Как, Витёк, книжку-то назовёшь? – полюбопытствовал между делом Федот.

Витька ненадолго задумался, потом рассмеялся.

– Вот возьму да и назову «Новая жизнь Федота и Андрейки».

– А как же подпишешься?

– Виктор Засибирский. Ну как? Неплохо звучит?

– Звучит ничего, только у тебя ж фамилия, похоже, совсем другая.

– Фамилия это одно, а Засибирский – это псевдоним. Засланный в Сибирь, значит.

– Ишь ты, куда хватил. Как декабрист почти. Фонвизин, ядрёна корень. Тогда, скажи на милость, какой жё псевдоним у поэта, друга твоего – Оси?

– Осей, это мы его в детстве называли. Вообще-то зовут его Иосиф. Псевдоним? А нет у него псевдонима.

– Тогда какой же фамилией он стихи свои подписывает, поэт твой? Вдруг скажут где-нибудь фамилию его, а я им в ответ, так запросто: «Приятель это друга моего Виктора. Так что знакомы».

– Фамилия у него Бродский. Только его не печатают.

– Отчего же? Стихи, наверное, пишет плохие? – спросил Федот и вынул жигало из костра.

– Да нет, стихи, вроде, нормальные. Всем нравятся, а редакторам – нет. Не по-партийному пишет. Вот и не печатают.

– Поперённый, значит? – понимающе добавил Федот.

– Вроде того.

– Если крамолу пишет, значит, наш человек, – кивнул Федот.

– Так где же он, друг твой? В Ленинграде прохладиться остался?

– Нет, в Архангельской области.

– Чего он там? Лесозаготовителем, небось, деньгу зашибает?

– Как бы не так. В колхозе «Даниловский» помощником скотника трудовую повинность отбывает.

Витька замолчал, будто неожиданно запнулся за что-то, потом негромко добавил.

– Ссыльный он, как и я. По пять лет нам дали.

– Понятное дело, – почесал за ухом Федот.

Он долго смотрел на свои мозолистые руки, потом негромко проговорил.

– Ты вот что, Витёк, про то, что ссыльный, не больно-то переживай. Тут через одного все такие. Нам теперь чего, не жить? Или дожидаться, куда «они» опять укажут? Как бы не так. Жить будем и радоваться всем «им» назло. Ты только, писатель, смолу не размазывай, это тебе не краска. Бери её, где погорячее, да в паз-то вжимай, вжимай, чтобы впитывалась. Глядишь, Андрюха когда-нибудь, вместо того чтобы утонуть вместе с неводником, спасибо тебе скажет. А вот то, что книжку собираешься написать, это молодец. Она ведь, жизнь наша, будто следы на снегу: придёт время – растопятся. И всё, стало быть, не осталось ничего. Не было вроде как бы нас вовсе. А возьмёт образованный человек книжку лет через сто да прочитает. Ему

интересно будет, а заодно людей вспомнит тех, что раньше жили. Получается, что нас. Да хоть эту самую секундочку взять. Ты же её тоже, небось, собираешься описать? Правильно?

– Конечно, – кивнул Виктор. – Вся наша жизнь секундочки. Писатель для того и работает, чтобы эти секундочки запечатлеть в стихах или рассказах.

– Ты вот, Витька, всё посмеиваешься, а сам того не представляешь, какое серьёзное дело задумал. Беспokoюсь только, поймут ли нас те, что через сто лет книгу твою читать будут. Сомнения есть, конечно, но ты, Витя, пиши. Одна только просьба, всю правду напиши, как она есть на самом деле, а не как в «ихних» газетах, где всё гладко да красиво. Потому что врут там всё, а враньё, оно кому нужно?

На следующий день неводник, легко соскользнув с покатов, шлёпнул днищем о воду и затих. Загремели вёсла, Федот оттолкнулся от берега, ловко через длинный нос запрыгнул на борт, несколько раз, наступив на край борта, качнул неводник из стороны в сторону, прошёлся туда-обратно, зачем-то попрыгал на корме, разогнав по сторонам волны. Наконец показал на вёсла:

– Давай, на ход проверим.

Андрюха только этого и ждал. Гена ловко устроился на корме. Можно было отправляться.

– С Богом, – прошептал негромко Федот и перекрестился.

Неводник податливо заскользил, отражаясь темными боками в неподвижной, ещё студёной глади.

– Хорошо идёт, легко. Угадали, стало быть, с обводом, – не сбивая дыхания, проговорил Федот.

– Никогда у меня не было собственной лодки, да ещё такой. Э-эх, – радостно выдохнул Андрей.

– Не было до сего времени. А теперь, стало быть, есть, – шумно дыша, ответил Федот.

– Ну-ка, подтабань, развернёмся. Ага, смотри, вповорот хорошо идёт, не кренится. Славная посуда получила, – заключил, наконец, Федот и широко улыбнулся. – Поздравляю, Андрюха! Удачи тебе на нём.

– Да чтобы рыбы по борта! – улыбался с кормы Геннадий.

Витька, в отличие от всех, был необычайно спокоен. С видом Петра Великого он значительно молчал, стоя на носу и широко расставив ноги, пристально вглядывался в горизонт.

Не знали ни Федот, ни кто-то другой, чего они видят там, за горизонтом, эти другие люди? Своё что-то, непонятное всем остальным. Особенный они народ. Не такие, как все. По-другому глядят на всё вокруг, саму жизнь понимают по-своему. Но, что характерно, интересно с ними. Знают много, мир повидали. Письма вон получают из Москвы, Ленинграда, а Витька ещё из Архангельска, от друга своего Иосифа. Ту самую фотографию с «Авророй», оказывается, Ося изготовил. Витька после сознался. Чего тут скажешь, если «поперёшные» они.

В тихой деревенской жизни последние события не могли остаться незамеченными. Сарафанная демократия не дремала, поскольку оставить всё как есть и не перемолоть в мелкую труху было бы неправильно. Местом для обмена мнениями у прекрасной деревенской половины по-прежнему оставался магазин. Всё решал случай. Он выбирал: собрать всех в сельмаге сейчас или подождать, пока истомятся ожиданием. Мнений по любому поводу было ровно столько, сколько в деревне баб. Единства в их рядах традиционно не наблюдалось. Одни были рады тому, что мужики за последнее время несколько урезонились, даже пить вроде бы стали поменьше. Другая женская половина пребывала как раз наоборот в тревожном ожидании и сильном беспокойстве, чуя всей своей женской сутью, что ничем хорошим случившееся затишь не закончится. Уж лучше бы пили, как раньше, спокойней было бы. Да к тому же, какое тут спокойствие, если до сих пор непонятно, что произошло с Федотом и Андрюхой? С какой

такой стати они пить совсем перестали? Дела ми вдруг занялись. Отчего такое случилось? Очень даже любопытно знать. Вдруг деревенские мужики какой заговор задумали? Жили ведь до этого все вроде как на виду. А теперь? Непонятно. Бессонница и тяжкие раздумья окончательно одолели баб. Дальше так продолжаться не могло. Нерешённый вопрос стал для них непереносимым испытанием.

Вот и Люська в свою очередь тоже не понимала, радоваться ей или подождать, поскольку товарооборот по водке упал, но в то же время вырос по культтоварам, конкретно по телевизорам. В целом по магазину прирост был хороший. Люську даже премировали за перевыполнение плана в прошлом квартале. Она-то знала, кого за это благодарить. Раньше купила бы Федоту бутылку, выставила, и все были б довольны. А как же теперь? Ну не пьёт человек, совсем бросил. И кто бы мог в это поверить. Понимая, что ответа нет, Люська вздохнула и начала фасовать сахар по килограмму.

Как всегда, к вечеру стали собираться бабы. Всем было доподлинно известно: Федот с мужиками спускают сегодня на воду лодку. Вот и маялась слабая половина деревни в ожидании ответа на ставший в начале весны вопрос. Разговееется сегодня Федот вместе с бригадой или нет? Прогноз не сбывался. Все обещанные прорицателями сроки прошли, а он всё никак не шёл за бутылкой.

После того как Клавдия с Надюхой вошли в магазин, тишина недолго провисела под фанерным потолком. Захариха, не раскрывая рта, будто от боли у неё свело зубы, вдруг запричитала:

– Ой! Сказала бы ты, Клавдия, или хоть ты, Надюха, чего это с вашими мужиками происходит. Поговорить некогда, все в заботах. Мужики как мужики раньше были, а теперь как будто сказались.

– Почему же сказались? Делами занимаются, ничего вроде особенного, – пожала плечами Клавдия.

Не желая отставать от Захарихи, следом начала Лидка с молоканки.

– Как это ничего особенного? Тебе-то вот хорошо. Сапоги тебе Федот купил? Купил. Пальто новое справил?

Справил. А про духи твои чего сказать? Разве возможно такие деньги отваливать за один единственный флакончик? Только ведь у тебя дня рождения вроде бы не было, да и женский праздник, похоже, закончился. С чего это всё вдруг? За что это тебе всё да ещё сразу?

– Тебе что, Лидуня, тоже хочется? – засмеялась Клавдия.

– Не то чтобы хочется, но отказываться не стала бы,

– поджала губы Лидия.

– Ой, тётя Лида, перестаньте, – заступилась за Клавдию Надюха. Уважает тётю Клаву муж, любит, вот и заботится. Побольше бы таких.

– Ты, Надюха, молодая ещё, не понимаешь. А уж мы-то знаем, куда вся ихняя любовь направлена, – вступила молчавшая всё это время известная сплетница почтальонка Раиса.

Всё женское население очень любило её за способность постоянно разносить по деревне кроме почты ещё всякие тихие, но очень интересные новости. Иногда она попадала в чью-либо немилость за разглашение особой

«тайны», но поскольку любопытство окружающих было сильнее этого, её вскоре великодушно прощали, ссылаясь на болтливость и специфику работы. Затем всё начиналось сначала.

Райка, ступая, будто цапля по сору, не спеша шла от окна в сторону прилавка, приговаривая:

– Ты ж пойми, Клавдия, мы не от зависти какой, упаси Бог, а от интереса, – монотонно говорила она, скосив глаза в угол, будто там кто-то был. – Прямо сил нет, как хочется знать. Сознайся, что же надо эдакое сделать с нашими мужиками, чтобы они тоже образумились? Уважь, Клавдия, народ, расскажи. Как тебе это удалось?

Клавдия растерялась, зардела щеками, потом, словно ученица, вспомнившая ответ, широко улыбнулась.

– Так Федот скоро со своей бригадой подойдёт. Сами у него и спросите.

Неводник остался у кромки воды, чернея обводами смоляных боков. Довольные, они ещё долго стояли на краю яра, любясь своим творением, ещё и ещё восхищаясь его размерами, ходом, красотой, плавностью линий.

– Дело сделано, теперь можно и до дому, – неспешно устроившись на телеге, сказал Геннадий и тронул вожжи. На просыхающей дороге, словно в тетрадке по грамматике, отпечатались четыре ровные полосы железных ободов. Когда телега уже свернула за поворот напротив дома Ивановых, Федот тихо проговорил:

– Так-то вот, Андрюха, остались, получается, мужики на земле. У самого дел невпроворот, а он помочь приехал. Работу свою на память тебе оставил. Такое помнить следует.

Входная дверь в магазин привычно хлопнула, и оттого, что в повисшей тишине Федот услышал тиканье часов с безголосой кукушкой, он понял: попали они на какое-то коллективное собрание. Значительная часть женского населения их явно поджидала. Федот, несколько оторопев, остановился перед плотной шеренгой женщин. Витька с Андрюхой и вовсе решили задержаться у порога.

Первой не выдержала Захариха. Будто отыскивая опору, она, привалившись локтём к прилавку, каким-то непонятным тоном, не то вопросительным, не то заискивающим, не то вкрадчивым, начала традиционно издаലെка. Как бы ни о чём. Про погоду, картошку в яме, про здоровье вообще. Однако тему разговора, как лоскутное одеяло в студёной избе, женское сообщество стало незаметно перетягивать на свою сторону.

– Неводник, стало быть, на воду спустили?

– Спустили, – кивнул Федот.

– Ну и как?

– Хорошо. Андрею прибыль в хозяйство, – ответил Федот и улыбнулся.

– А ты, стало быть, Андрюша, за большой деньгой собрался? – будто сорока стрекотала Райка.

– Собрался, – недовольно буркнул Андрюха.

– Значит, обмывать это дело будете? А как же иначе? Иначе нельзя, лодка плавать без этого не будет, – продолжала лезть под кожу Райка.

Выручил всех Федот:

– Нет, пожалуй, без выпивки обойдёмся, – начал он негромко. – Перво-наперво в баньку сходим. Потом поужинаем, как положено, после чай с вареньем пить будем. Витя про Ленинград расскажет, про друга своего Осю, какие он стихи красивые пишет. Потом телевизор смотреть будем. После новостей сегодня, не забывайте, «Голубой огонёк». Так и отметим. А что, разве плохо?

Клавдия, чтобы не прыснуть от смеха, закусив губу, делала вид, что с интересом смотрит в окно. Захариха ещё какое-то время хорохорилась, но вскоре скисла окончательно. На том вроде бы и закончиться всему. Однако никак не могла успокоиться учётчица Катерина. Она со всей женской проницательностью навела прицел лазоревых глазок на Федота и с присущей только ей любезностью вдруг заговорила:

– Скажи нам, Федот, на милость. Что же надо сделать нашим мужикам, какую микстуру принять или заговор прочитать, чтобы стали они опять такими же, как в молодости? Чтобы нас любить опять стали, по хозяйству помогли бы, пить чтобы, наконец, бросили. У тебя-то вот всё получилось. Знаешь ты, стало быть, секрет. Поделись, Федот, будь человеком!

Федот непонимающе смотрел то на одну, то на другую женскую особу. Потом в глазах его сверкнула лукавая искорка.

– Мужики ваши и так что надо, – расплылся он в широкой улыбке. – Чего им употребить? Не знаю. Пусть попробуют вон те пряники развесные. Мне они очень даже помогли.

Бабы переглянулись, не понимая, о чём это Федот.

Шутка, решили они, а зря...

Красный Яр – Уват – Калининград, 2015 г.

Страдания и радости боцмана Сидорова

Вся эта история началась, когда СРТР «Яхонт» вместе с пятью судами флотилии, покинув район промысла, бросил якорь на рейде африканского порта Лабиту в Анголе для заправки водой и мелкого ремонта. После пограничников и таможни жизнь на борту ожила. Со всевозможными целями между причалом и судами на рейде начали снова проворные ланчо, а истосковавшийся по земле мужской контингент под разными предложениями стал искать причину поскорее сойти на берег. Одним хотелось найти питейное заведение поприличнее, другим – кинуться в объятия сговорчивых прибрежных красавиц, третьим – и то, и другое вместе. Любовь, как известно, штука коварная, но пока всё обходилось...

У кого-кого, а у боцмана Сидорова во время якорной стоянки забот хватало. Влечение к прекрасному полу ему тоже было не чуждо. Ничего не поделаешь, природа. Так что по истечении нескольких дней вслед за молодняком отправился на берег и боцман – «размагнититься» от повседневных забот. Никто не знает подробностей, что там пошло не так, что не получилось на его любовном поприще. Только вернулся он на борт поздно, неразговорчивый и злой.

Нрав Сидорова и его тяжёлый кулак знали все, потому лишних вопросов старались не задавать. На судне боцмана не зря зовут просто, но ёмко – Дракон.

Попросту говоря – страшный человек. У нашего дракона не было морских наколок и прочих отяжеляющих признаков. Внешне он был похож скорее не на морского волка, а на кряжистого мужика из тамбовской глубинки, но с тяжёлым морским «навалом», который на расправу был особенно скор. Вот и те двое весельчаков из палубной команды, которые после неудачной любовной попытки боцмана отпустили шутку на этот счёт, вместо того чтобы получить «добро» на сход, по третьему разу красили якорные клюзы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.